

А. В. Варзин
Шуя, Россия

A. V. Varzin
Shuya, Russia

**«СВОБОДА» В СЛОВАРНОЙ ФИКСАЦИИ
XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА:
ОТРАЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛОВ
ПОД ВЛИЯНИЕМ
ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ**

**'FREEDOM' IN VOCABULARIES
OF THE 19-TH — BEGINNING OF THE 20-TH
CENTURIES: REFLECTION
OF SENSES TRANSFORMATION
UNDER THE INFLUENCE
OF LIBERAL IDEOLOGY**

Аннотация. *Анализируются изменения, произошедшие в понимании феномена свободы в период XIX—начала XX вв. Материалом исследования служат данные толковых, энциклопедических, исторических и этимологических словарей. Наряду с анализом отечественной лексикографии проводится сопоставительное изучение зарубежных лексикографических изданий. Отмечаются идеологически обусловленные изменения в национальном понимании свободы и общеевропейская тенденция к унификации трактовки свободы в свете либеральной идеологии.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of changes happened in understanding of freedom's phenomenon during the 19-th - beginning of the 20-th centuries. The materials for analysis are the data from glossaries, encyclopedic dictionaries, historical and etymological dictionaries. Alongside with the analysis of the Russian lexicography, comparative investigation of foreign lexicography was undertaken. Ideological caused changes in national understanding of freedom and common European unification trend of freedom interpretation under the influence of liberal ideology were mentioned.*

Ключевые слова: свобода; словари; концепт; идеология.

Key words: freedom; dictionaries; concept; ideology.

Сведения об авторе: Варзин Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и методики обучения.

About the author: Varzin Alexey Vladimirovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching.

Место работы: ГОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет».

Place of employment: Shuya State Pedagogical University.

Контактная информация: 155908, Ивановская обл., г. Шуя, ул. Кооперативная, д. 24, корп. 4, к. 210.
e-mail: alex.varzin@yandex.ru.

«Слово „свобода“ до сих пор кажется переводом французского *liberté*. Но никто не может оспаривать русскости „воли“, — утверждал в 1945 г. в статье «Россия и свобода» Г. П. Федотов [Федотов 2002]. Цитата эта нередко становится аргументом в современных философских и политических спорах, в рассуждениях о чуждости свободы русскому духу, о «русской воле» и о «русском рабстве». Лингвоспецифичность смыслов, соотносимых со словом *воля*, казалось бы, побуждает к утверждению знака равенства между идеалом *воли* и русским восприятием *свободы*. Однако реальная языковая картина несколько сложнее. Нельзя игнорировать тот факт, что в современном речевом употреблении слово *воля* в качестве синонима *свободы* практически не используется [Булыгина, Шмелев 1997; Вежбицкая 1999]. Исключение составляют контексты, связанные с характеристикой жизни вне тюрьмы или с поэтической стилизацией. Слово *воля* актуализируется преимущественно в значении одного из свойств человеческой психики, связанного с желаниями и их осуществлением. Соответственно, анализируя утверждения, подобные тезису Г. П. Федотова, мы не можем забывать о том, что они являются результатом *философской интерпретации* концепта конкретными носителями языка — момент, заметим, важный и заслуживающий

отдельного пристального рассмотрения. Необходимость учитывать фактор мировоззрения ставит в центр нашего внимания сложную проблему взаимосвязей языка, общества, политики и культуры.

Отметим в этой связи важность этимологической информации и замечаний историков языка. Русская лексема *свобода* историческими корнями уходит в праиндоевропейские времена. Слово это общеславянское (ср. укр. *свобода*, болг. *свобода*, польск. *swoboda*, *swieboda*, словц. *sloboda* и т. д.). Этимологические словари [Преображенский 1958; Фасмер 1986—1987; Черных 1994; Шанский 1975] склонны трактовать его как однокоренное с местоимением *свой* (образовано с помощью собирательного суффикса *-od(a)*). Праславянское **sveboda* («свобода») было собирательным именованием всех совместно живущих членов рода, включая и тех, кто не имел родства по крови, — т. е. всех «своих». На Древней Руси наряду с книжным *свобода* существовал разговорный вариант — *слобѡда*, а затем *слободá*, закрепивший за собой значение «поселок» [СлРЯ XI—XVII].

Воля — слово индоевропейское по своему происхождению (ср. нем. *Wille*, *wollen*), изначально оно было связано с семантикой «желание» (это значение первым фиксирует «Словарь русского языка XI—XVII вв.» [СлРЯ XI—

XVII; см. также Срезневский 1890—1912]), но желание это мыслилось специфически. Средневековое сознание иерархично. В нем *воля* принадлежит единому Богу: человек принимает ее как свое желание и выступает ее проводником. «Божьей воли не переволишь», — гласит пословица. Постепенно слово *воля* стало обозначать любое желание, утрачивая первоначальный смысл. Народная мудрость, однако, помнит исходное значение: «Много у черта силы, да воли нет». Ослабление сакрального смысла приводит к появлению соотносительности *воли* с повелениями сначала земного властелина, а затем и хозяина вообще. Однако проявление воли неизменно остается в иерархических рамках. «Сколько бы мы ни взяли примеров из древних текстов, общим смысловым элементом всех выражений, связанных со словом „воля“, будет один: по собственной воле исполняют только высокую волю другого, в свою очередь становясь воплощением воли Божьей или (для язычника это точнее) воли рока», — замечает В. В. Колесов [Колесов 1986]. Дальнейшее развитие значений слова таково: *воля* — «независимость, право свободы действий» — «право, власть». Выражение «*жити на (во) своей воли*» означало «пользоваться свободой, ни от кого не зависеть» [СлРЯ XI—XVII]. Важным является то, что слово *воля* здесь одновременно содержит смыслы «желание» и «свобода». В. В. Колесову представляется показательным, что первые употребления с таким поворотом значения зафиксированы в Великом Новгороде с его республиканскими традициями. «Подобная трактовка воли, — замечает исследователь, — долгое время огорчала московских государей: воля должна быть одна, хотя возможна ее передача из рук в руки — последовательно, до самого низа, где воля сходит на нет, и остается одна свобода волю эту принять» [Колесов 1986: 115]. Соответственно, становятся во многом понятны и причины притягательности *воли* для участников крестьянских бунтов. Крепостное право, оформлявшееся постепенно (Судебником 1497 г., указами о заповедных летах и урочных летах и, наконец, Соборным уложением 1649 г.), не меняло поначалу характер взаимоотношений внутри общины, но приносило новые отношения отдельного лица со всевластным государством в рамках иерархической подчиненности. Именно отсюда и вырастает представление о ценности личной *воли*, понимаемой как полная независимость от чужой *власти*.

Таким образом, с историко-этимологической точки зрения не только «*воля*», но и «свобода» — понятие исконно русское. Утверждения о чуждости для русского национального сознания смыслов, соотносимых со словом *свобода*, истекать, очевидно, из богатой книжной традиции употребления этого слова, способствовавшей проекции на него плана содержания иноязычных концептов. Языковые ощущения носи-

теля языка могут отражать и произошедшие в XIX столетии изменения в национальном понимании свободы, тесно связанные с изменениями мировосприятия в целом. Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии, декабристы, народничество, либерализм и отмена крепостного права — все эти факты отечественной истории непосредственно повлияли на содержание и план выражения концепта в сознании носителей языка.

Материалом для дальнейшего исследования в настоящей работе выступят русские и европейские (в первую очередь немецкие) словари и энциклопедии XIX — начала XX вв. Приступая к анализу отображения концептуального пространства «свобода» в сфере словарной фиксации, мы ставим перед собой следующие основные задачи:

1) установить соотношение основных имен концептуального поля *свобода* и *воля* в языковом сознании носителя русского языка в рассматриваемый период;

2) определить ключевые тенденции развертывания концептуального содержания в рассматриваемый период;

3) сопоставить эти тенденции с процессами изменений близких *свободе* и *воле* иноязычных концептов.

Проведенный нами анализ отечественной лексикографии XIX столетия позволяет говорить о существенной близости содержания лексических понятий *свобода* и *воля* в русском языковом сознании этого периода. Помимо общей близости дефиниций, отмечается активность использования в толкованиях *свободы* и *воли* семантики соотносимого слова, т. е. содержание слова *воля* разъясняется через семантику *свободы*, а *свобода* определяется через *волю*.

Выявляются и некоторые особенности толкований. Слово *воля* в первую очередь ассоциируется не с отсутствием ограничений и «возможностью действовать по-своему», а со способностью к самостоятельному целеполаганию и настойчивостью в осуществлении задуманного. *Свобода*, напротив, определяется через семантику «возможности» и «независимости». Происходит своеобразное «перераспределение функций» в отображении соответствующего «кванта» ментальной реальности.

При экспликации семантической структуры слова *воля* социально-политическая составляющая в сравнении с определениями слова *свобода* выглядит явно смягченной (ср.: *свобода* — «независимость от господства или избавление от рабства или плена» и *воля* — «свобода от зависимости, от обязанности» в «Словаре церковнославянского и русского языка» [1847]). В толкованиях *воли* не используются антонимы *рабство*, *кабала*, *крепость* (крепостное состояние), хотя иллюстрации могут их и актуализировать. В итоге *воля* не выглядит столь объемным понятием, как *свобода*, ассоциируясь с соци-

альным положением конкретной личности (причем это характерно как для дореформенных, так и для вышедших после 1861 г. изданий). В то же время у деривата *вольный* значение «некрепостной» фиксируется (в общем контексте «имеющий право располагать сам собою»). Ситуацию отчасти объясняет реальная стратость употреблений имен концепта: в XIX в. слово *воля* уже воспринималось как народное, «природное» именование, следствием чего была активность употребления этой лексемы в контекстах поэтических стилизаций. В результате, например, словарь Академии наук под редакцией Я. К. Грота [Вып. 1, 1891] выделяет в отдельную статью слово *волюшка*.

В аспекте социального бытования гораздо существеннее фактическое вытеснение лексемой *свобода* третьего имени концепта — *вольность*. Настоящее знамя социально-политических преобразований XVIII в., связанных с «Указом о вольности дворянства», слово *вольность* в XIX в. явно отходит на второй план, превращаясь в архаизм или поэтизм [Лисицын 1996]. Ни *свобода*, ни *воля* не определяются через семантику *вольности*. Налицо идеологически обусловленные изменения в национальном понимании свободы. *Вольность* как основное имя концептуального поля в XVIII в. ассоциировалась с *привилегией*. Наполненное новыми смыслами слово *свобода* соотносится с выстраивающейся общеевропейской концептуализацией *свободы* как *всеобщего права*.

Революция во Франции и Наполеоновские войны произвели настоящий переворот в сознании не только французов, но и европейцев в целом. Новое осмысление свободы связывалось прежде всего со знаменитым лозунгом Великой французской революции «Свобода! Равенство! Братство!» (*Liberté! Egalité! Fraternité!*), сформулированным на основании Декларации прав человека и гражданина в 1789 г. и ставшим официальным девизом Французской республики с 1792 г. Процесс, однако, не был одномоментным и линейно-всеобщим. Буржуазные «свободы» изначально по сути своей оставались привилегиями. Это отразилось и в лексикографии, в частности немецкой.

Малый энциклопедический словарь Брокгауза [Brockhaus 1854—1856], изданный в Лейпциге в середине 50-х, объективно фиксирует грозные «*Liberté, égalité*»: *Freiheit und Gleichheit, Ausruf der franz. Revolutionsmänner*. — ‘Свобода и равенство, лозунг французских революционеров’. Однако позднее словари Зандерса [Sanders 1860] и братьев Гримм [Grimm 1878] в статьях «*Freiheit*» при определении соответствующего значения апеллируют к семантике права (*Recht*) как привилегии (*Privilegium*).

Показательны, впрочем, различия в трактовке свободы в этом значении слова *Freiheit*. В словаре братьев Гримм говорится о «полной свободе» (*die volle Freiheit*); Д. Зандерс, напро-

тив, акцентирует наше внимание на отдельных «освобождениях» (*Befreiungen*), противопоставляя их «всеобщей» (*allgemeinte*) свободе. Последняя номинируется как «*die Freiheit*», а свобода-привилегия — как «*eine Freiheit*» (одна из однородного множества «*Freiheiten*» — свобод). Словарь Д. Зандерса особо подчеркивает различия в употреблении *Freiheit* с определенным и *Freiheit* с неопределенным артиклями: «*Man beachte den Unterschied zwischen: Die F. [allgem., Ggsß.: Sklaverei, Knechtschaft, und so auch personificiert = die Göttin der F.] und: Eine F., F-en. — die F. von Abgaben, Steuer, Schulden, Geschäften u. so auch: Abgaben = Steuer = F.u.a.m.*». — ‘Соблюдают различие между *die Freiheit* (всеобщая свобода, в противоположность рабству (*Sklaverei*), кабале (*Knechtschaft*); а также персонифицированно — богиня Свободы) и *eine Freiheit* (единичное освобождение), *Freiheiten* (свободы: свобода от сборов, налогов, долга, дел, а также свобода от пошлин, налоговая свобода и т. п.)’. Дефиниция поддерживается иллюстрациями: *Der Unterschied zwischen F. und F-en ist so groß als zwischen Gott und Göttern. — Разница между свободой и свободами так же велика, как между Богом и богами*. Пример достаточно удачно разъясняет тонкость отмечаемого лексикографом различия. *Свобода*, номинируемая формой единственного числа с определенным артиклем, уподобляется Богу как Абсолюту, стоящему над миром и не допускающему ограничения в силу собственного всемогущества. *Бог* един, форма множественного числа «*боги*» служит планом выражения принципиально иного представления о сверхъестественном. Многобожие убивает идею всемогущества: языческий бог — лишь «один из...», он не всевластен. По представлению язычника, над богами так же, как и над простыми смертными, довлеет Судьба. Уподобляемая языческому богу *eine Freiheit*, будучи осмысленной как единица «класса» свобод (*Freiheiten*), теряет метафизическую значительность *die Freiheit* — свободы, противостоящей концепту «*судьба*» («*Schicksal*»): *So hat auch der Mensch eine doppelte Bewegung, eine besondere und eine allgemeine. Diese reißt ihn unaufhaltsam fort, es ist sein Schicksal, jene wird von seinem Willen bestimmt, es ist die Freiheit. (Börne) — Таким образом, у человека — два пути: один особый и один всеобщий. Один неудержимо его увлекает, это его судьба; другой определен его волей, это свобода (Бёрне)*.

Срабатывает логический закон, согласно которому с увеличением содержания уменьшается объем понятия. Представление о классе свобод расширяется через демонстрацию синтагматики слова *Freiheit*. Накладывание дополнительных признаков снимает глобализм безатрибутивной *Freiheit*, но выстраивающийся ряд впечатляет охватом внеязыковых реалий: *Bürgerliche, Staatliche, physische, moralische F., die F. der Bewegung* — гражданская, государст-

венная, физическая, моральная свобода, свобода движения (передвижения). *Die Freiheit der Gedanken, der Geistes, der Gewerbe, des Gewissens, des Glaubens, des Handels, der Messe, der Presse, der Religion, des Willens.* — 'Свобода мысли, духа, промысла, совести, вероисповедания, торговли, мессы, прессы, религии, воли'.

Многоликость плана выражения закрепляет плюралистический характер концептуального содержания. Такое восприятие соответствующего «кванта» ментальной реальности не ограничивается рамками отдельного языка. Здесь работают законы общественно-политического развития, всеобщая капитализация и «брожение умов». Показателен в этом плане еще один пример из словаря Д. Зандерса: «*Freiheit von Nationalität*» (Фихте) — «свобода от национально-тщеславия» (Фихте). «Свободы» получают прочную прописку в европейских языках. Подтвердим это примерами из английского и французского языков, используя такие лексикографические издания, как «*The Imperial Dictionary of the English Language*» [1862] и «*Dictionnaire de l'Académie Française*» [1862]. Словари демонстрируют сближение определений, хотя во французском издании примеров значительно больше.

«Европеизацию» концепта в России отражают отечественные словари и энциклопедии XIX — начала XX вв. В центре внимания авторов — свобода как общечеловеческая ценность, и интерпретируется она на основе европейского философского и социально-политического опыта. Показательны в этом плане отсылки в конце словарных толкований. Словарь Ф. Толля [Толль 1863—1864] и приводящий ту же статью «Свобода» (в несколько расширенном варианте) «Русский энциклопедический словарь» И. Н. Березина [Березин 1873—1879] отправляют читателя к работам Жюль Симона «*De la liberté*» и Дж. Лилля «*On liberty*»; более поздняя «Большая энциклопедия» под ред. С. Н. Южакова [1903—1909] ориентирована на немецкое наследие. Содержание западных концептов проецируется на русскую языковую почву и в силу мощнейшего влияния на национальное языковое сознание западных философских концепций. Историю учения о свободе воли подробно излагает автор статьи «Свобода» в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона [Брокгауз 1890—1907, Брокгауз 1907—1909] Владимир Соловьёв, охвативший период от Сократа до своего времени. Дополняет общую картину изложение взглядов на свободу Спинозы (в словаре И. Н. Березина и энциклопедии С. Н. Южакова) и Гоббса (в энциклопедии С. Н. Южакова).

При экспликации *свободы* энциклопедические словари акцентируют внимание на *семе действия* (движения). *Свобода* ассоциируется с действием, наделенным атрибутом произвольности (ср. у Ф. Толля и И. Н. Березина: «Возможность действовать по своему усмотрению»). При определении через синоним используется

исключительно лексема *независимость*. Соотношение с *волей* как именем концепта не фиксируется, хотя в психологическом и этимологически первичном («желание, хотение») значениях слово *воля* достаточно активно на уровне уже развернутой экспликации «кванта» ментальной реальности, репрезентируемого лексемой *свобода*. Слово *воля* выступает здесь и как самостоятельная единица, и как часть устойчивого терминологического сочетания «*свобода воли*». Наконец, третьей составляющей определений является подчеркиваемое отсутствие принуждения (ср.: «*Свобода* — название состояния независимости, обуславливающегося отсутствием принуждения и произвольным движением» [Южаков 1903—1909]).

В целом дефиниции, предлагаемые энциклопедическими изданиями, вполне соотносимы с выстраивающимся общеевропейским пониманием свободы как феномена (ср. в [Brockhaus 1854—1856]: «*Freiheit* обозначает прежде всего состояние независимости, возможность беспрепятственного (*ungehinderter*) и ничем не сдерживаемого (*ungehemmter*) движения»).

The Imperial Dictionary, 1862 (англ.)	Dictionnaire de l'Académie Française, 1862 (фр.)
Natural liberty	Liberté naturelle
Civil liberty	Liberté civile
Political liberty	Liberté politique
	Liberté de conscience
Religion liberty	Liberté des cultes
	Liberté de penser
	Liberté d'écrire
Liberty of the press	Liberté de la press
	Liberté individuelle
	Liberté du commerce
	Liberté des mers

Обращает на себя внимание «социологизация» толкований. В структуру дефиниции включается сугубо оценочный сегмент, актуализирующий именно социальную природу свободы. В [Толль 1863—1864] и [Березин 1873—1879] определение в целом выглядит как «возможность действовать по своему усмотрению, одно из первых и необходимых условий развития человечества». С. Н. Южаков [1903—1909] не актуализирует «социально-оценочной» составляющей дефиниции, но подробное раскрытие сути феномена свободы начинает с трактовки представлений, стоящих за сочетанием «*политическая свобода*».

Статьи энциклопедических изданий объемно развертывают положения определений. Последовательно выражается идея включенности в представление о свободе компонента ограниченности, обуславливающегося сознанием иерархической подчиненности субъекта, состояние которого номинируется лексемой *свобода*. Ср. толкования синтагмы «*свобода воли*» в словаре Брокгауза и сочетания «*политическая свобода*» [Южаков 1903—1909] (курсив в примерах мой. — А. В.):

«Свобода воли = свобода выбора — от времени Сократа и доселе спорный в философии и богословии вопрос, который при объективной логической постановке сводится к общему вопросу об истинном отношении между индивидуальным существом и универсальным, или о степени и способе *зависимости* частичного бытия от всецелого».

«Политическая свобода состоит в том, чтобы государство управлялось не усмотрением отдельных лиц, а возведенной на степень закона общей волей всех членов государства; следовательно, свобода — не отсутствие всякого стеснения и возможность делать всё что хочется, но добровольное *подчинение* собственной воли общей воле государства — закону».

Обратим внимание на ключевые слова дефиниций — *зависимость* и *подчинение*. Референтная ситуация и в том, и в другом случае являет несколько иную картину не только в сравнении с «полным отсутствием ограничений», но даже и с более нейтральной формулой словарей Ф. Толля и И. Н. Березина «возможность действовать по своему усмотрению». *Усмотрение* предполагает учитьвание фактора подчинения (пусть и «добровольного»), или объективной зависимости по бытию.

Эксплицируемая картина близка к определению концепта *свобода*, предложенному А. Д. Кошелевым:

«Свобода X-а =

а) X находится в иерархически подчиненной роли к Y-у;

б) X реально имеет некоторую область выбора, ограниченную Y-м;

в) по мнению говорящего, область выбора X-а нормативна» [Кошелев 1991].

Поясним, что, к примеру, определение *свободы воли* в словаре Ф. А. Брокгауза — И. А. Ефрона устанавливает соответствия: X = индивидуальное существо, Y = существо универсальное. Дешифрация *политической свободы* у С. Н. Южакова [Южаков 1903—1909] предполагает рассмотрение в качестве X-а «*собственной воли [лица]*», а в качестве Y-а — *закона* как «*собственной воли государства*».

Отмечаемой тенденции не противоречит и экспликация «*свободы воли*» в словаре И. Н. Березина (отсутствующая в более раннем словаре Ф. Толля): «Под свободой воли, говоря просто, разумеется такое проявление нашего душевного начала или такое произведение им перемен в положении своем и вещей, его окружающих, источник которого полагается в нем самом, в его самовозбуждении, по совершившемся в нем выбору такого или другого проявления деятельности» [Березин 1873—1875]. Предлагая такую формулировку, автор уточняет далее: «Признанием в нас свободы воли нисколько не исключается, во-первых, ограниченность ее, во-вторых, необходимость внутреннего развития для достижения правильного сознания своей свободы и употребления ее».

В итоге «*свобода воли*» предстает как «проявление душевного начала» на основе собственного *выбора*, ограниченного некими рамками, суть которых раскрывается далее: «В каком бы роде сообщества ни выражалась свобода, она требует гармонии с общими законами и высшими инстинктами, связующими всех людей, значит, требует уважения к закону и правам ближнего».

В контексте апелляции к «правам ближнего» любопытна формулировка, предлагаемая изданием второй четверти XIX в. — «Словарем физического и нравственного воспитания» князя Парфения Енгальчева. В современном понимании словарь этот близок к жанру педагогической энциклопедии. Педагогический момент явлен уже на уровне дефиниции: «Свобода есть право человека поступать по своему благоусмотрению во всем том, *что не вредит другим людям*» [Енгальчев 1827: 76]. Идея рамочности *свободы* поддерживается и на уровне иллюстраций словаря Енгальчева (попутно еще раз отметим ориентацию на европейский исторический и философский опыт и античную философию как его часть): «*Что такое свобода? — говорит Цицерон. — Это возможность жить по своей воле. Кто же так живет? Не тот ли, кто, любя правду и обязанность свою, имеет в виду цель сей жизни; кто, не страшась законов, благоволит перед ними и почитает их спасительными; кто, обожая одну добродетель, равнодушен ко всем драгоценностям, торжествует над непостоянным и коварным счастьем и сам, так сказать, управляет судьбою*». Таким образом, словарь Енгальчева устанавливает ассоциации *свободы* с ограничивающими ее *правдой* и *обязанностью*, *законами* и *добродетелью*.

В целом анализ статей энциклопедических словарей различных исторических эпох — от второй половины 20-х гг. XIX в. до первой половины 10-х гг. XX в. — выявляет неизменность такого момента рефлексии, как стремление обозначить границы свободы. Это проявляется в совмещении фактора самоопределения с фактором «другого», с которым (которыми) самоопределяющийся связан отношениями иерархического подчинения — объективного или субъективного (т. е. устанавливаемого добровольно).

Соотнесение свободы с «нормативной областью выбора» — основа семантики «свобод». Показательно в этом плане замечание из словаря Брокгауза — Ефрона (в первой части оно может показаться противоречащим постановке вопроса о свободе воли, предлагаемой в соответствующей статье того же издания): «Свобода в юридическом смысле этого слова не имеет ничего общего со свободой в смысле философском (см. свобода воли); последняя противопоставляется причинности, тогда как первая нисколько не отрицает ее, она требует только независимости человека от стеснения какими-

либо чисто физическими воздействиями извне не на волю, а на проявление воли, на деятельность» [Брокгауз 1890—1907]. Представление о свободе как независимости в какой-либо сфере деятельности преломляется в дефинициях политических свобод. В изданиях [Толль 1863—1864] и [Березин 1873—1879] говорится о «трех видах свобод, присущих человеку» — *свободе мысли, свободе действия и свободе совести*; кроме того, в словаре И. Н. Березина демонстрируется сегментация представлений об экономической свободе: «С экономической точки зрения свободой называется свобода труда, конкуренция, свобода мены, свобода торговли». Перечень этих эксплицируемых словарями понятий сохраняется в словарях Брокгауза — Ефрона и Павленкова [Павленков 1913] (в [Южаков 1903—1909] политические свободы не рассматриваются) с небольшими вариациями, что вполне вписывается в русло либеральной европейской традиции интерпретации свободы.

Атрибутированная свобода категоризуется как *законное право* и предполагает наличие конкретных границ. Последние обусловлены равенством прав граждан. В функции *У-а* здесь выступают *общественные интересы, закон* как воля государства. «Политическая свобода есть всегда принадлежность не отдельной человеческой личности, а целой политической организации, — читаем в [Брокгауз 1890—1907], — личная свобода требует, наоборот, именно разграничения сфер прав отдельной личности и прав государства». Разграничение базируется на *признании* того или иного *права* — момент, неизменно эксплицируемый энциклопедическими изданиями. Ср.: «Свобода совести или верований составляет принцип признания за каждым иметь убеждения, расходящиеся с государственными убеждениями» [Толль 1863—1864]; «свобода совести или верований состоит в признании за каждым права иметь свои верования и убеждения, хотя бы они расходились с господствующими убеждениями» [Павленков 1913].

Социум признает права личности, но практическая реализация этих прав возможна только на условиях компромисса. Именно конвенциональность общественных свобод делает их рамочными, т. е. ограниченными нормативной областью выбора, выход за пределы которой уже не рассматривается как свобода: «Свобода действия в обществе ограничивается только точно такую же свободой другого лица, в государстве — преданиями и законами» [Толль 1863—1864; Березин 1873—1879]; «Свобода труда или конкуренция, соперничество, естественное право человека заниматься сподручным ему промыслом, покупать и продавать где ему угодно или где выгодно без административных или фискальных стеснений при единственном условии — не вредить другим» [Березин 1873—1879].

В целом анализ словарных статей выявляет следующие закономерности.

1. Языковой период XIX — начала XX вв. являет ситуацию безусловного вытеснения слова *вольность* и уменьшения значимости лексемы *воля* в качестве основных имен концепта.

2. Происходит насыщение объема и содержания слова *свобода* и выдвигание его на первые роли в концептуальном плане выражения.

3. Слово *воля* в первую очередь ассоциируется не с отсутствием ограничений и «возможностью действовать по-своему», а со способностью к самостоятельному целеполаганию и настойчивостью в осуществлении задуманного. *Свобода*, напротив, определяется через семантику *возможности* и *независимости*. Происходит своеобразное «перераспределение функций» в отображении соответствующего «кванта» ментальной реальности.

4. Налицо идеологически обусловленные изменения в национальном понимании свободы. *Вольность* как основное имя концептуального поля в XVIII в. ассоциировалась с привилегией (ср. «Указ о вольности дворянской»). Наполненное новыми смыслами слово *свобода* соотносится с выстраиваемой общеевропейской концептуализацией свободы как всеобщего права.

5. Энциклопедические издания характеризуются социологизацией в трактовке феномена *свобода*. В центре внимания авторов — свобода как общечеловеческая ценность, и интерпретируется она на основе европейского философского и социально-политического опыта. В итоге статьи российских словарей по характеру интерпретации феномена практически не отличаются от статей в аналогичных европейских изданиях.

6. Наш анализ позволяет говорить о проявлении в словарно-энциклопедических изданиях общеевропейской тенденции к идеологической унификации трактовки свободы в свете либеральной идеологии.

7. Энциклопедические словари эксплицируют концепт «свобода» через соотнесение его с представлениями социума и (или) индивидуума о нормативной области выбора. Высочайшая абстракция конкретизируется на уровне семантики прагматически ориентированных политико-экономических свобод (*свобода мысли, свобода прессы, свобода морей* и т. д.).

К сказанному следует добавить еще несколько существенных замечаний. Выявленная идеологизация толкований свободы в словарях и энциклопедиях есть, помимо прочего, еще и отражение неизбежной зависимости лексикографа (печальный каламбур в контексте общей темы исследования!) от собственного мировоззрения и от господствующих в конкретный исторический момент идеологических установок. Подтверждением тому вполне может служить и советская лексикография, выдвигающая на первый план классово-государственный аспект свободы и философскую интерпретацию понятия в духе социального детерминизма.

Необходимость учитывать фактор мировоззрения неизбежно ставит в центр внимания ис-

следователя реальную стратовость существования концептов и проблему осмысления действительности языковой личностью.

В данной работе мы сознательно не затронули аспекта образов свободы и культурно значимых ассоциаций, поразительно тонко выраженных, в частности, в словаре В. И. Даля. Это уже предмет отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. — М., 1997.

Вежбицкая А. Словарный состав как ключ к этнофилософии, истории и политике: «свобода» в латинском, английском, русском и польском языках // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М., 1999.

Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. — Л., 1986.

Кошелев А. Д. К эксплицитному описанию концепта «свобода» // Логический анализ языка. Культурные концепты. — М., 1991

Лисицын А. Г. Концепт свобода — воля — вольность в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1996.

Федотов Г. П. Россия и свобода // Библиотека русской религиозно-философской и художественной литературы «Вехи», 2002. URL: www.vehi.net-fedotov-svoboda.html (дата обращения: 20.01 2011).

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Березин 1873—1879 = Березин И. Н. Русский энциклопедический словарь: в 16 т. — СПб., 1873—1879.

Брокгауз 1907—1909 = Малый энциклопедический словарь: в 4-х ч./ Брокгауз Ф. А. — Ефрон И. А. — СПб., 1907—1909.

Брокгауз 1890—1907 = Энциклопедический словарь: в 41 т. / Брокгауз Ф. А. — Ефрон И. А. — СПб., 1890—1907.

Грот 1891 = Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук / под ред. Я. К. Грота. — СПб., 1891. Вып. 1: А—В.

Даль 1880—1882 = Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — СПб., 1880—1882.

Енгальчев 1827 = Енгальчев П. Словарь физического и нравственного воспитания. — СПб., 1827.

Жуков 1893—1895 = Всероссийский словарь-толкователь, составленный несколькими филологами и педагогами / под ред. В. В. Жукова. — СПб., 1893—1895.

Павленков 1913 = Павленков Ф. Энциклопедический словарь. — СПб., 1913.

Преображенский 1958 = Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. — М., 1958.

САР 1806—1822 = Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. — СПб., 1806—1822.

СлРЯ XI—XVII = Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—23. — М., 1975—1996.

СлРЯ XVIII = Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1—5. — Л., 1984—1989.

Срезневский 1890—1912 = Срезневский И. И. Материалы для словаря др.-рус. языка по письм. памятникам: в 3 т. — СПб., 1890-1912.

Старчевский 1891 = Старчевский А. В. Русский объяснительный словарь. Вып. 1. — СПб., 1891.

Стоян 1912 = Стоян П. Е. Малый толковый словарь русского языка: в 2-х ч. — СПб., 1912.

СЦРЯ 1847 = Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 т. — СПб., 1847.

Толль 1863—1864 = Настольный словарь для справок по всем отраслям знания: в 3 т. / под ред. Ф. Толля. — СПб., 1863—1864.

Фасмер 1986—1987 = Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. — М., 1986—1987.

Филиппов 1901 = Филиппов М. Н. Энциклопедический словарь: в 3 т. — СПб., 1901.

Черных 1994 = Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — М., 1994.

Чудинов 1901 = Справочный словарь. Орфографический, этимологический, толковый русского языка: в 2 ч. / под ред. А. Н. Чудинова. — СПб., 1901.

Шанский 1975 = Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова. — М., 1975.

Южаков 1903—1909 = Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания: в 22 т./ под ред. С. Н. Южакова. — СПб., 1903—1909.

Brockhaus 1854—1856 = Kleines Brockhaus'sches Conversations-Lexikon für den Handgebrauch. Bd. I-IV. — Leipzig, 1854—1856.

Dictionaire de l' Académie Française 1862 = Dictionaire de l' Académie Française. — Paris, 1862.

Grimm 1878 = Deutsches Wörterbuch / von Jacob Grimm u. Wilhelm Grimm. Bd.4. Abth.1. Hälfte 1.Forschel—Gefolgsman. — Leipzig, 1878.

Lexikon 1956 = Lexikon A—Z in zwei Bänden. — Leipzig, 1956.

Sanders 1860 = Sanders D. Wörterbuch der Deutschen Sprache. Bd.1. A—K. — Leipzig, 1860.

The Imperial Dictionary 1863 = The Imperial Dictionary of the English Language. — L., 1862.

Weigand 1843 = Weigand F. L. K. Wörterbuch der deutschen Synonimen. 1—3. — Mainz, 1843.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии А. П. Чудинов и доцент Е. А. Нахимова